

Н. Г. Петрова

КОММУНИКАТИВНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ К. БАЛЬМОНТА И И. СЕВЕРЯНИНА: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И РАЗЛИЧИЯ

На материале поэтических дискурсов двух наиболее известных поэтов начала XX в. – символиста К. Д. Бальмонта и эгофутуриста И. Северянина рассматриваются особенности таких коммуникативных универсалий, как закон эстетически ориентированной смысловой «избыточности» и закон эстетически обусловленной «экономии» языковых средств. Устанавливается корреляция между этими законами и лексическими регулятивами, значимыми для организации познавательной деятельности читателей на уровне высказывания, блока высказываний и целого текста. Данная корреляция отражает тесную взаимосвязь системных, функциональных и системно-языковых качеств художественного текста и прежде всего регулятивности, структурности и выразительности. Выявляются точки пересечения и различия в словесно-художественном структурировании поэтических произведений известными мастерами художественного слова, имевшими сходство не только в судьбах, но и в поэтическом творчестве.

Ключевые слова: поэтический дискурс, теория регулятивности, коммуникативная универсалия, символизм, эгофутуризм.

Обращение к творчеству К. Д. Бальмонта и И. Северянина не случайно. Несмотря на принадлежность двух неординарных поэтов к разным литературным направлениям начала XX в., исследователи неоднократно отмечали некоторое сходство их творческих манер (см., напр.: [1–3] и др.).

Одним из современников поэтов, указавших не только на близость их поэтических систем, но и на схожесть судеб, был К. И. Чуковский. В эссе «Эгофутуристы. Игорь Северянин и другие», вошедшем в книгу «Футуристы», он писал: «Подлинный, милостью Божьей, поэт, с широкими ритмами и огромным дыханием, Северянин, по приемам творчества, темам и вкусам, есть запоздалый эпигон модернизма, продолжатель бальмонтских, давно уже изжитых традиций, которые он, впрочем, освежает новым языковым матерьялом» [1].

И несколько ранее: «Порою он [И. Северянин. – Н. П.] не только *весенился* сам, но *обвесенивал* своими стихами и нас. *Весениться* он умел, как никто. Можно сказать, что и поэтом он был лишь постольку, поскольку был весенним, молодым и влюбленным. Кончилась весна, кончилась поэзия. К сорокалетнему – осеннему – возрасту его песенные вдохновения иссякли. Его последние стихи, по сравнению с теми, которые были созданы им лет десять назад, беспомощная и сумбурная проза. Нет прежней четкости и чистоты интонаций, словарь претенциозный и сбивчивый. Это опять-таки роднит его с Бальмонтом, который тоже не умел пережить свою молодость: утратив молодость, утратил и голос» [1].

С. А. Викторова в ходе изучения творчества Игоря Северянина в аспекте взаимовлияний и взаимопересечений с поэтами Серебряного века выявила следующие черты сходства поэтики К. Бальмонта и И. Северянина: «...общие мотивы сна, гре-

зы, мига, забвения, путешествия, презрения толпы, гордого одиночества, тоски и печали, – и в то же время, торжества всего живого» [2].

С. А. Хромова в диссертационном исследовании, посвященном индивидуально-авторским новообразованиям в произведениях К. Бальмонта и И. Северянина, называет три черты, объединяющие поэтов: во-первых К. Бальмонт и И. Северянин являлись активными творцами слова, так как достаточно часто привлекали в работе над поэтическими текстами потенциальные возможности словообразовательных ресурсов языка; во-вторых, реализовав себя в значительной степени как поэты, К. Бальмонт и И. Северянин, по мнению исследователя, «не могли не ставить перед собой сходных творческих задач»; в-третьих, для каждого из поэтов была характерна склонность к словесной игре [3, с. 6–7].

Небезызвестно, что между поэтами были если не дружеские, то очень теплые отношения, о чем свидетельствуют стихотворения поэтов, адресованные друг другу (см., напр., стихотворения, датированные 1927 г.: «Бальмонту», а также посвященное И. Северянину «Тебе, созвонный, родственный, напевный...»).

Кроме отмеченного, К. Бальмонта и И. Северянина роднит и особое отношение к музыке, и ее влияние на каждого из них, на что указывали как сами мастера художественного слова, так и исследователи, занимавшиеся изучением их творчества (см., напр.: [2, 4, 5] и др.).

В частности, И. Северянин в автобиографической статье «Образцовые основы» писал: «...благодаря оперной музыке, произведшей на меня сразу же громадное впечатление и зачаровавшей ребенка, мое творчество стало развиваться на двух основных принципах: классическая банальность и мелодическая музыкальность» [6].

Известны многочисленные высказывания К. Д. Бальмонта о музыке. Так, в работе «Светозвук в Природе и Световая симфония Скрябина» поэт дает следующую характеристику музыке: «... музыка, будучи Божески самодостаточным царством, не нуждается ни в каких сопутствующих достижениях иной красоты, и, говоря в каждой душе иным голосом, этой душе сродным, будет не обогащать, а ограничивать свое красноречие, сопутствуемое определенной дополняющей красотой. Чтобы сопутствующая красота была не просто дополнительная, а глубинная, абсолютно сродная, как это мы видим в таинствах Природы, надо, чтобы угадание художника было столь же неукоснительно верным и единственным, как верны угадания творящей Природы» [7].

Ср. также точку зрения К. Д. Бальмонта на связь поэзии и музыки, высказанную в статье «Поэзия как волшебство»: «Поэзия есть внутренняя Музыка, внешне выраженная размеренною речью» [8, с. 275].

Как показали наши наблюдения, влияние музыки на К. Бальмонта и И. Северянина нашло отражение не только в многочисленных «музыкальных» заглавиях их поэтических текстов, но и в многочисленных повторах на разных уровнях текстового развертывания: от высказывания и блока высказываний до целого текста (подр. об этом см., напр.: [9–11] и др.)

Думается, что значительное количество произведений К. Бальмонта и И. Северянина, положенных на музыку, можно объяснить их особой музыкальностью, в основе которой лежат многократные повторения на разных языковых уровнях, в том числе и лексическом.

В задачи статьи входит выявление общих закономерностей и индивидуальных особенностей в реализации некоторых коммуникативных универсалий, свойственных поэтическим текстам двух художников слова – К. Д. Бальмонту и И. Северянину, имевших, как показал краткий обзор научной литературы и наши наблюдения, сходство не только в судьбах, но и прежде всего в поэзии.

Под коммуникативными универсалиями вслед за Н. С. Болотновой будем понимать «правила, общие принципы словесно-художественного структурирования текста, ориентированные на „диалогическую гармонию“ автора и читателя, т. е. достижение определенного коммуникативного эффекта» [12, с. 46].

В художественной литературе, как отмечает Н. С. Болотнова, представлены следующие коммуникативные универсалии: «...закон эстетически ориентированной смысловой „избыточности“, закон эстетически обусловленной „экономии“ языковых средств, закон гармонического соответствия

текстовой парадигматики и синтагматики, закон гармонического соответствия типовых и уникальных текстовых ассоциаций» [12, с. 49–65].

Выявленные законы словесно-художественного структурирования проявляются через ряд принципов. Среди них: «многократное усиление характерного признака художественной реалии», «одновременная лексическая экспликация нескольких признаков художественной реалии», «достаточность эксплицированного лексически смыслового признака художественной реалии» и др. (подр. о них см.: [12 с. 49–65; 13, с. 144–197].)

В данной статье ограничимся рассмотрением двух коммуникативных универсалий: *закон эстетически ориентированной смысловой «избыточности»* и *закон эстетически обусловленной «экономии» языковых средств*.

Материалом для исследования послужили поэтические тексты трех наиболее известных книг стихов К. Д. Бальмонта: «Горящие здания» (1900), «Будем как солнце» (1903), «Только любовь» (1903) [14] и стихотворения, вошедшие в первый большой сборник стихов И. Северянина «Громокипящий кубок» (1913) [15].

Учитывая, что К. Д. Бальмонт и И. Северянин проявляли повышенный интерес к музыке, а также тот факт, что в музыкальном искусстве повтор – «первозначимый, сущностно-важный компонент» [16, с. 32], в сферу наших интересов попали тексты, содержащие повторы как на уровне высказывания, блока высказываний, так и целого текста.

Обратимся к рассмотрению в поэтических дискурсах К. Д. Бальмонта и И. Северянина *закон эстетически ориентированной смысловой «избыточности»*. Его специфика, как отмечает Н. С. Болотнова, заключается в многократной актуализации одного и того же смысла с помощью разных лексических средств. Будучи «неслучайной» для автора, такая актуализация призвана исключить «помехи» при восприятии читателем текста или текстового фрагмента [12, с. 50].

Наблюдения показали, что на уровне высказывания – «основной коммуникативной единицы, способной отразить целый фрагмент действительности – ситуацию» (В. Г. Гак) – в поэтических произведениях К. Бальмонта и И. Северянина данный закон достаточно часто реализуется за счет однородных (образованных с помощью единиц одного уровня) синонимических цепочек, выделяемых в рамках регулятивных цепочек, основанных на семантической соотнесенности слов (см. о них: [9–10]). Сравните у К. Бальмонта: *Где же вы, родные, близкие?; Весенний шум, весенний гул природы / В моей душе звучит не как призыв; Мне ответил играющий ветер: / «Будь воздушным, как ветер, как дым!»*; у И. Северянина: *В его лучах легко*

и просто / Вступаю в жизнь, как в листный сад;
И было так странно, так дивно / Вам, жалкие
темные люди!; Мне хочется, чтоб сгинул, чтоб
исчез / Тот дом, где я – замужняя невеста!..

Своеобразие реализации закона эстетически ориентированной смысловой «избыточности» в поэтических текстах К. Бальмонта состоит в том, что его действие осуществляется посредством разнородных синонимических регулятивных цепочек и прежде всего за счет разнородных регулятивных цепочек, образованных по модели «определения + сравнительный оборот усилительного типа». (Ср., напр., тройную актуализацию признака «мертвый» в стихотворении «Дождь», возникающую за счет идеографических синонимов и сравнительного оборота с той же семантикой: *И мертвый, бездыханный, / Как труп задутых свеч, / Я слушал в скорби странной / Вещательную речь.*)

В стихотворении К. Бальмонта «Воззвание к океану» из сборника «Будем как солнце» регулятивная разнородная синонимическая цепочка со значением «маленькая частица» представлена оксюморонным сочетанием «влажная пылинка» и лексемой «капля»: *Дай мне быть твоей пылинкой влажной, / Каплей в вечном... Вечность! Океан!*

Употребление данной цепочки создает в сознании читателя устойчивый образ желаемого состояния субъекта действия (лирического героя, а через него и самого поэта). При этом одновременно с семой 'мельчайшая частица жидкости' актуализируется сема 'отдельности, заметности' этой частицы. Получая распространение за счет необычного сочетания «капля в вечном», представляющего собой переосмысление известного фразеологизма «капля в море» («ничтожное количество, пустяк по сравнению с чем-либо»), а также в последующей части сложного высказывания (*Вечность! Океан!*), названная регулятивная цепочка кроме локальной функции приобретает и концептуальную значимость, поскольку формирует в сознании читателя представление о творческом и жизненном кредо К. Бальмонта: желание остаться («быть») в вечности, но при этом не затеряться в ней.

Перейдем к рассмотрению особенностей реализации закона эстетически обусловленной «экономии» языковых средств в поэтических произведениях К. Бальмонта и И. Северянина.

«Сфера деятельности» отмеченного закона, как показали наблюдения, может «охватывать» разные уровни: от высказывания и блока высказываний до целого текста.

При этом на уровне высказывания типичным проявлением закона эстетически обусловленной «экономии» языковых средств служат вызванные пропуском слова / слов смысловые лакуны. Их

«восстановление» читателем за счет контекстуальных средств и тезаурусных знаний активизирует его познавательную деятельность (о принципах реализации указанного закона см.: [12, с. 52–56]).

На уровне же блока высказываний и целого текста «экономия» языковых средств осуществляется за счет разных типов и видов лексических регулятивных структур, основанных на стилистическом приеме синтаксического параллелизма как частном случае повтора. (Подр. о них в поэтических текстах К. Бальмонта и И. Северянина см.: [9, 11].)

Сравните, например, неоднократную «экономия» языковых средств как на уровне высказываний, так и блока высказываний в стихотворении К. Бальмонта «Что мне нравится» из сборника «Только любовь»:

Что мне больше нравится в безднах мировых,
И кого отметил я между всех живых?

*Альбатроса, коршуна, тигра, и коня,
Жаворонка, бабочку, и цветы огня.*

Альбатрос мне нравится тем, что он крылат,
Тем, что он врзается в грозовой раскат.

В коршуне мне нравится то, что он могуч,
И, как камень, падает из высоких туч.

В тигре то, что с яростью мягкость сочетал,
И не знал раскаянья, Бога не видал.

И в других желанно мне то, что – их вполне,
Нравятся отдельностью все созданы мне.

*Жаворонок – пением, быстротою – конь,
Бабочка – воздушностью, красотой – огонь.*

Да, огонь красивее всех иных живых,
В искрах – ликование духов мировых.

<...>

Да, огонь красивее между всех живых,
В искрах ликование духов мировых.

*В пламени ликующем – самый яркий цвет.
В жизни – смерть, и в смерти – жизнь.
Всем живым – привет!*

Как видим, на уровне высказываний «экономия» языковых средств вызвана пропуском слов (и стилистического приема хиазма как его результата в том числе), на уровне же блока высказываний она создается за счет употребления поэтом лексической регулятивной структуры, основанной на неполном параллелизме с дистантным расположением членов параллели. Представленная в пер-

спективе расширяющихся контекстов «экономия» языковых средств, отражая авторский замысел, направлена на активизацию познавательной деятельности читателя в разных аспектах: от удержания читательского внимания до приобщения к собственным предпочтениям и убеждениям, в том числе и экзистенциального порядка, отражающим характерную для поэзии символизма идею «вечного возвращения», восходящую к Ницше.

Нередко в поэтических текстах как К. Д. Бальмонта, так и И. Северянина (в большей степени), наблюдается своего рода «двойная» экономия языковых средств, возникающая за счет эллипсиса в лексических регулятивных структурах, основанных на синтаксическом параллелизме, придающего высказыванию / высказываниям динамичность, интонацию живой речи, художественную выразительность. Сравните, например, лексические регулятивные структуры, основанные на неполном параллелизме с контактными расположением параллелей: *Полночь и свет знают свой час. // Полночь и свет радуют нас. // В сердце моем – призрачный свет. // В сердце моем – полночи нет* (Бальмонт К. Полночь и свет); *Скорей бы – в бричке по ухабам! // Скорей бы – в юные луга! // Смотреть в лицо румяным бабам, / Как друга, целовать врага!..* (Северянин И. Весенний день).

Тире в приведенных примерах, отражая принцип компрессии, выступает в функции тема-рема-тического членения. Тем самым подчеркивается важность для поэтов обеих частей высказываний.

Рассмотрим «двойную» экономию языковых средств на уровне целого текста на примере стихотворения К. Д. Бальмонта «Жизнь проходит...» из сборника «Будем как солнце»:

Жизнь проходит, – вечен сон.

Хорошо мне, – я влюблен.

Жизнь проходит, – сказка – нет.

Хорошо мне, – я поэт.

Душен мир, – в душе свежо.

Хорошо мне, хорошо.

Две первые строфы данного стихотворения представляют собой лексические регулятивные структуры, организованные по типу неполного параллелизма, с вертикальными градационными рядами справа. При этом если в первой регулятивной структуре отчетливо отмечается своего рода „угасание“ смыслового признака («вечен сон», «сказка – нет»), то во второй регулятивной структуре, наоборот, происходит его «усиление» – «я влюблен», «я поэт».

Взаимосвязь двух регулятивных структур, основанных на неполном параллелизме, с дистантным расположением членов параллели не только обеспечивает интеграцию текста за счет создания внутритекстовых связей, но и служит средством

«управления» познавательной деятельностью читателя, поскольку удерживает внимание на важных, с точки зрения автора, моментах: на восприятии лирическим героем «внешнего» мира («жизнь проходит») и описании его состояния («хорошо мне»).

В третьей строфе отмеченное противопоставление двух миров – *внешнего с его несовершенством и внутреннего с его гармонией* – достигает своего апогея. Следует отметить, что первая строка данной строфы – *Душен мир, – в душе свежо*, – имплицитно связанная с каждой из двух лексических регулятивных структур, основанных на принципе синтаксического параллелизма, оказывается значимой для постижения идейного содержания стихотворения и его эстетической сущности.

Примечательно, что К. Д. Бальмонт использует в пяти случаях одновременно такие знаки препинания, как запятую и тире. Тем самым формируется «зрительная выразительность» (А. П. Квятковский) текста.

Тире, будучи знаком очень широкого употребления, в анализируемом стихотворении, с одной стороны, означает пропуск союзов, с другой – выполняет еще и смысловую функцию: передает противопоставление и сопоставление, хотя эти значения выражены и лексически, за счет использования как узувальных антонимов («душно» / «свежо»), так и контекстуальных («жизнь» / «сон», «жизнь» / «сказка», «мир» / «душа» и др.). (Поскольку поэт использует многозначные лексические единицы, то, как видим, актуализируются и вступают в отношения антонимии и синонимии не только прямые значения слов, но и переносные.) Запятая, как известно, ставится при перечислении синтаксически равноправных единиц (однородных членов предложения и частей предложения).

Употребление двух знаков препинания одновременно свидетельствует о том, что для поэта важно показать не только разграничение (противопоставление) двух планов – внешнего и внутреннего, но вместе с тем и их сосуществование. Сравните строки из работы К. Д. Бальмонта «Поэзия как волшебство»: «...весь мир есть соответствие, строй, лад, основанный на двойственности, то растекающейся в бесконечность голосов и красок, то сливающейся в один внутренний гимн души, в единичность отдельного гармонического созерцания, во всеобъемлющую симфонию одного Я, принявшего в себя безграничное разнообразие правого и левого, верха и низа, вышины и пропасти» [8, с. 268].

Таким образом, «двойная» экономия языковых средств, создаваемая двумя взаимосвязанными лексическими регулятивными структурами, основанными на неполном параллелизме, с дистантным

расположением параллелей и авторской пунктуацией (сочетанием запятой и тире, выражающим в том числе компрессию), приближает читателя к постижению глубинного смысла стихотворения и миропониманию поэта.

Позиционное разделение тождественных лексических единиц, составляющих адвербиальную регулятивную цепочку, приводит к тому, что они оказываются в одинаковых ритмико-мелодических условиях, что способствует их дополнительной актуализации.

Выступая в функции главного члена односоставного предложения, повторяющееся слово категории состояния «хорошо» служит для передачи оценки эмоционального состояния лирического героя.

Помещенная в сильную текстовую позицию и имеющая важное значение в осмыслении целого текста адвербиальная регулятивная цепочка с позиционным разделением («хорошо мне, хорошо») оказывает мощное не только ауто-, но и гетеросуггестивное воздействие.

Специфика закона эстетически обусловленной «экономии» языковых средств в лирических произведениях И. Северянина связана с интересом поэта к комбинаторной поэзии и заключается, во-первых, в значительном (в отличие от К. Бальмонта) количестве хиазмов: *О, бездна тайны! О, тайна бездны!*; – *Индейцы – точно ананасы, и ананасы – как индейцы.../ Остриг креолка, вспоминая об экзотической земле*; во-вторых, в употреблении лексических регулятивных структур монотипного вида: *Море любит солнце, солнце любит море...; Скалы молят звезды, звезды молят скалы*. Основанные на зеркальной симметрии, данные регулятивные структуры позволяют И. Северянину через описание «гармоничных взаимоотношений» вечных предметов внешнего мира, окружающего человека (моря, солнца, скал, звезд), передать характерную для футуристов идею обратимости и повторяемости. В-третьих, свойственный закону «экономии» языковых единиц «принцип максимальной смысловой концентрации при минимальности средств ее выражения» [12, с. 56] наиболее ярко проявился у И. Северянина в созданных им стихотворных формах, среди которых дизель, кэнзель, пережат, пережелез, перелив и др.

Несомненный интерес в этом отношении представляет стихотворение «Квадрат квадратов», заглавие которого совпадает с названием одной из предложенных поэтом «стилистических форм»:

Никогда ни о чем не хочу говорить...
О поверь! – я устал, я совсем изнемог...
Был года палачом, – палачу не парить...
Точно зверь, заплутал меж поэм и тревог...

Ни о чем никогда говорить не хочу...
Я устал... О, поверь! изнемог я совсем...
Палачом был года – не парить палачу...
Заплутал, точно зверь, меж тревог и поэм...

Не хочу говорить никогда ни о чем...
Я совсем изнемог... О, поверь! я устал...
Палачу не парить!.. был года палачом...
Меж поэм и тревог, точно зверь, заплутал...

Говорить не хочу ни о чем никогда!..
Изнемог я совсем, я устал, о, поверь!
Не парить палачу!.. палачом был года!..
Меж тревог и поэм заплутал, точно зверь!..

Как видим, при ограниченности употребленных поэтом лексических единиц, «лексической заданности», «приращение» смысла в стихотворении, образованном как многократная комбинация четырех основных стихов, происходит в результате перестановок повторяющихся элементов, приводящих к их актуализации / деактуализации. Динамика, присущая поэтическому тексту, поддерживается также сменой интонации: от повествовательной в начальных строфах до восклицательной, передающей нарастание напряжения и экспрессии в заключительной строфе.

Рассмотренный в статье материал позволяет сделать ряд выводов.

Реализация некоторых коммуникативных универсалий – закона эстетически ориентированной смысловой «избыточности» и закона эстетически обусловленной «экономии» языковых средств – имеет в поэтических дискурсах К. Д. Бальмонта и И. Северянина как сходство, так и различие.

Наличие общего в словесно-художественном структурировании поэтических произведений выдающихся мастеров художественного слова объясняется, с одной стороны, универсальностью данных законов, с другой – близостью их поэтических систем.

Имеющиеся отличия связаны с идиостилевыми предпочтениями поэтов в плане употребления реализующих данные законы различных типов и видов лексических регулятивов, обеспечивающих организацию читательской деятельности на разных уровнях смыслового развертывания текста. Примечательно, что в ряде случаев именно эти виды лексических регулятивов позволяют передать основные идеи символизма и эгофутуризма, т. е. тех литературных направлений, к которым принадлежали К. Д. Бальмонт и И. Северянин.

Установленная в ходе наблюдений корреляция между рассмотренными законами словесно-художественного структурирования поэтических текстов и лексическими регулятивами, значимыми для орга-

низации познавательной деятельности читателей на уровне высказывания, блока высказываний и целого текста, ярко демонстрирует тесную взаимосвязь системных, функциональных и системно-языковых качеств художественного текста и прежде всего регулятивности, структурности и выразительности.

Список литературы

1. Чуковский К. И. Эгофутуристы. Игорь Северянин и другие // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 8. Литературная критика. 1918–1921. М.: Terra-Книжный клуб, 2004. URL: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/Futuristy.htm> (дата обращения: 27.07.2013).
2. Викторова С. А. Игорь Северянин и поэзия Серебряного века: Творческие связи и взаимовлияния: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2002. 217 с. URL: <http://www.poet-severyanin.ru/library/severyanin-i-poezia-serebryannogo-veka15.html> (дата обращения: 1.10.2013).
3. Хромова С. А. Индивидуально-авторское словотворчество в его отношении к языковому словообразовательному стандарту: на материале произведений К. Бальмонта и И. Северянина: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 208 с.
4. Петрова Т. С. Музыкальный образ мира в творчестве К. Д. Бальмонта // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Иваново: ИВГУ, 1998. URL: <http://balmontoved.ru/knigi/327-vypusk-3-ivgu.html> (дата обращения: 27.04.2014).
5. Епишева О. В. Музыка в лирике К. Д. Бальмонта: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Иваново, 2006. 220 с.
6. Северянин И. Образцовые основы // Северянин И. Собр. соч. в 5 т. СПб.: Logos, 1995. Т. 5. Публицистика. Письма. URL: <http://ruslit-traumlibrary.net/book/severyanin-ss05-05/severyanin-ss05-05.html#work001016> (дата обращения: 27.07.2013).
7. Бальмонт К. Д. Светозвук в Природе и Световая симфония Скрябина. URL: http://www.stihi-rus.ru/1/Balmont/o_skrjbine.htm (дата обращения: 27.04.2014).
8. Бальмонт К. Д. Поэзия как волшебство // Критика русского символизма: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 268–317.
9. Петрова Н. Г. Типы лексических регулятивов и их взаимосвязь в лирике К. Д. Бальмонта // Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, Е. А. Бакланова и др. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности: коллективная монография / под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. С. 114–140.
10. Петрова Н. Г. К вопросу о своеобразии лексической регулятивности на уровне высказывания в поэтическом дискурсе футуристов // Вестн. Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 2 (22). С. 86–93.
11. Петрова Н. Г. О специфике регулятивных структур в поэтических текстах И. Северянина (на материале сборника «Громокопийщик ку-бок») // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2014. Вып. 2 (143). С. 32–39.
12. Болотнова Н. С. Коммуникативные лексические универсалии в поэтической деятельности: вопросы теории и методики // Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Бакланова Е. А. и др. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности: коллективная монография / под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. С. 43–65.
13. Болотнова Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994. 212 с.
14. Бальмонт К. Д. Стихотворения. М.: Книга, 1989. 557 с.
15. Северянин И. Стихотворения / сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Кошелева. М.: Сов. Россия, 1988. 464 с.
16. Молчанов А. С. Динамика восприятия повтора в музыкальном произведении (на материале остинатных форм композиторского творчества XX века): дис. ... канд. искусствовед. Новосибирск, 2009. 241 с.

Петрова Н. Г., кандидат филологических наук, доцент.
Новосибирский государственный педагогический университет.
Ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, Россия, 630126.
E-mail: npetrova@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 25.06.2014.

N. G. Petrova

COMMUNICATIVE UNIVERSALS IN POETIC DISCOURSES OF K. BALMONT AND I. SEVERYANIN: CROSS POINTS AND DIFFERENCES

The peculiarities of communicative universals are examined on the basis of the two most prominent poets' poetic discourse of the early XX century – symbolist K. D. Balmont and ego-futurist I. Severyanin. The communicative universals include the law of aesthetically orientated notional “excessiveness” and the law of aesthetically provided “economy” of language means.

The correlation between these laws and lexical regulative actions is established, the latter being significant for the reader's cognitive activity organization on the level of the utterance, utterance unit and the whole text. This correlation reflects the close interrelation of system, functional and system-language qualities of the belles-lettres text such as regulative, structural and expressive properties.

The article reveals the cross points and differences in verbal and artistic structuring by the well-known wizards of artistic word who have a lot of common not only in their lives but also in the poetic but also in the poetic work.

Key words: poetic discourse, theory of regulativity, communicative universals, symbolism, ego-futurism.

References

1. Chukovskiy K. I. Egofuturists. Igor Severyanin and others. *Collected Works in 15 vol. Vol. 8. Literary Criticism. 1918–1921*. Moscow, Terra-Knizhny klub Publ., 2004. URL: <http://www.chukfamily.ru/Komei/Prosa/Futuristy.htm> (Accessed: 27 July 2013) (in Russian).
2. Viktorova S. A. *Igor Severyanin and poetry of the Silver Age: Creative communication and interaction*. Dis. cand. philol. sci. Yaroslavl, 2002. 217 p. URL: <http://www.poet-severyanin.ru/library/severyanin-i-poezia-serebryannogo-veka15.html> (Accessed: 01 October 2013) (in Russian).
3. Khromova S. A. *The author's individual word creation in its relation to the language word-formation standard: based on the works of K. Balmont and I. Severyanin*. Dis. cand. philol. sci. Saratov, 2007. 208 p. (in Russian).
4. Petrova T. S. Musical image of the world in the works of K. D. Balmont. *Konstantin Balmont, Marina Tsvetaeva and artistic legacy of the XX century*: Interuniversity coll. of scientific works. Vol. 3. Ivanovo, IvSU Publ., 1998. URL: <http://balmontoved.ru/knigi/327-vypusk-3-ivgu.html> (Accessed: 27 April 2014) (in Russian).
5. Episheva O. V. *Music in the lyrics of K. D. Balmont*. Dis. cand. philol. sci. Ivanovo, 2006. 220 p. (in Russian).
6. Severyanin I. The exemplary bases. *Collected Works in 5 vols*. St. Petersburg, Logos Publ., 1995, vol. 5. Publicism. Letters. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/severyanin-ss05-05/severyanin-ss05-05.html#work001016> (Accessed: 27 July 2013) (in Russian).
7. Bal'mont K. D. *Sound and light in nature and Scriabin's Symphony of Light*. URL: http://www.stihi-rus.ru/1/Balmont/o_skrjbine.htm (Accessed: 27 April 2014) (in Russian).
8. Bal'mont K. D. Poetry as magic. Criticism of Russian symbolism: in 2 vol. Moscow, 2002, vol. 1, pp. 268–317 (in Russian).
9. Petrova N. G. Types of lexical regulatives and their relationship in the lyrics of K. D. Balmont. *Bolotnova N. S., Babenko I. I., Baklanova E. A. et al. Communicative stylistics of the text: lexical regulativity in textual activity: collective monography*. Ed. prof. N. S. Bolotnova. Tomsk, TSPU Publ., 2011. Pp. 114–140 (in Russian).
10. Petrova N. G. Originality of lexical regulativity at the level of utterance in the poetic futurist discourse. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2013, no. 2 (22), pp. 86–93 (in Russian).
11. Petrova N. G. About the peculiarities of regulative structures in I. Severyanin's poetic texts (Data: the collection "Gromokipyaschy Cup"). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2014, no. 2 (143), pp. 32–39 (in Russian).
12. Bolotnova N. S. Communicative lexical universal in poetic activity: theory and methods. *Bolotnova N. S., Babenko I. I., Baklanova E. A. et al. Communicative stylistics of text: lexical regulativity in textual activity: collective monography*. Ed. prof. N. S. Bolotnova. Tomsk, TSPU Publ., 2011. Pp. 43–65 (in Russian).
13. Bolotnova N. S. *Lexical structure of literary text in associative aspect*. Tomsk, 1994. 212 p. (in Russian).
14. Bal'mont K. D. *Poems*. Moscow, Kniga Publ., 1989. 557 p. (in Russian).
15. Severyanin I. *Poems*. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1988. 464 p. (in Russian).
16. Molchanov A. S. *Dynamics perceptions of repeat in a musical composition (based on ostinato forms composing art of the XX century)*. Dis. cand. history of art. Novosibirsk, 2009. 241 p. (in Russian).

Novosibirsk State Pedagogical University.

Ul. Viluiskaya, 28, Novosibirsk, Russia, 630126.

E-mail: npetrova@ngs.ru